

Санкт-Петербургский государственный университет

Кафедра фонетики
и методики преподавания иностранных языков

Мирра Вениаминовна Гордина

ВОСПОМИНАНИЯ
студентки Ленинградского университета

Санкт-Петербург
2016

Санкт-Петербургский государственный университет

Кафедра фонетики
и методики преподавания иностранных языков

Мирра Вениаминовна Гордина

ВОСПОМИНАНИЯ
студентки Ленинградского университета

Санкт-Петербург
2016

М. В. Гордина

Воспоминания студентки Ленинградского университета
/ Сост. Н. Д. Светозарова; Каф. фонетики СПбГУ. — СПб.:
Филологический факультет СПбГУ, 2015. — 44 с.

ISBN: 978-5-8465-529-1

ISBN: 978-5-8465-529-1

© М. В. Гордина, 2015

© Н. Д. Светозарова, составитель, 2015

© Кафедра фонетики и методики преподавания
иностраных языков СПбГУ, 2015

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Воспоминания старейшего преподавателя кафедры фонетики Санкт-Петербургского университета Мирры Вениаминовны Гординой составлены на основе устных рассказов, которые были записаны её ученицами Лидией Васильевной Игнаткиной и Любовью Дашиевной Раднаевой в декабре 2011 года. Из этого живого и образного повествования при участии самой Мирры Вениаминовны были отобраны рассказы о нахождении Ленинградского университета в эвакуации в Саратове и о первых годах учёбы после возвращения университета в Ленинград. Издание предваряет краткая научная биография М. В. Гординой.

МИРРА ВЕНИАМИНОВНА ГОРДИНА (Краткая научная биография)

Мирра Вениаминовна Гордина родилась 27 мая 1925 года в Ленинграде. В 1941 году эвакуировалась с родителями в г. Череповец, где окончила школу с отличным аттестатом, а позже — в Саратов, где в 1942 году поступила на романское отделение филологического факультета Ленинградского университета, который в это время находился там в эвакуации. Летом 1944 года университет вернулся в Ленинград, и Мирра Гордина продолжила обучение.

В 1947 году она с отличием окончила университет и в марте 1948 года была принята на работу в Институт языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра АН СССР на должность научно-технического сотрудника. К этому периоду относится её первая научная работа — участие, совместно с М. А. Бородиной и под руководством академика В. Ф. Шишмарёва, в создании словаря старофранцузского языка¹.

В августе 1950 года, после известной дискуссии и последующей перестройки работы лингвистических институтов, ИЯМ был расформирован и М. В. Гордина была уволена с занимаемой ею должности. За короткий период работы в ИЯМе она сдала экзамены кандидатского минимума по специальностям «общая фонетика» и «фонетика французского языка» и приступила к исследованию по фонетике французского языка. После ликвидации Института, оставшись без работы, М. В. была вынуждена уехать в г. Иваново, где с 1951 по 1953 год была преподавателем Ивановского педагогического института, читала курсы по истории и лексикологии французского языка и вела занятия по практической фонетике французского языка.

¹ Словарь старофранцузского языка: К «Книге для чтения по истории французского языка» В. Шишмарёва / Сост. М. А. Бородина, М. В. Гордина, В. Ф. Шишмарёв; руководство и редакция В. Шишмарёва; АН СССР. Институт языкознания. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1955. — XII, 275 с.

В 1953 году М. В. Гордина вернулась в Ленинград и была принята на работу на кафедру фонетики и методики преподавания иностранных языков филологического факультета Ленинградского университета. Кафедрой руководила Маргарита Ивановна Матусевич, ученица Льва Владимировича Щербы. Она и другой ученик Щербы, Лев Рафаилович Зиндер, столь много сделавшие для развития «щербовской фонологии», стали учителями Мирры Вениаминовны. Ей было поручено вести занятия по теоретической и практической фонетике французского языка, русской фонетике для иностранцев, семинары по общей и экспериментальной фонетике. Она смогла вернуться к научным исследованиям и приступить к работе над кандидатской диссертацией. Предметом изучения стала фонетика вьетнамского языка, сведения о которой были тогда весьма скудны и противоречивы. В основу исследования легли, с одной стороны, идеи щербовской фонологической школы, а с другой, — скрупулёзный инструментальный анализ речевого материала, полученного от информантов-вьетнамцев. Уже в 1959 году в «Вопросах языкознания» была опубликована статья «К вопросу о фонеме во вьетнамском языке». В 1960 году в Ленинградском отделении Института языкознания М. В. Гордина защитила кандидатскую диссертацию на тему «Основные вопросы фонетического строя вьетнамского языка». В ней впервые было дано экспериментально обоснованное описание тонов вьетнамского языка. В последующие годы М. В. опубликовала ряд статей по различным вопросам фонетики вьетнамского языка и его диалектов. Многолетнее творческое содружество с Игорем Сергеевичем Быстрым привело к созданию в 1984 году монографии «Фонетический строй вьетнамского языка», содержащей первое полное описание фонетики вьетнамского языка на основе экспериментального материала с использованием кимографического, осциллографического, палатографического и рентгенографического методов исследования. Эта книга и сегодня остаётся одним из самых авторитетных источников сведений по фонетике вьетнамского языка. В своих трудах М. В. развивает традиции щербовской фонологической школы, в том числе и путём привлечения сведений о языках слогового строя. Свидетельство этого — статья «О различных функциональных звуковых единицах языка», опубликованная в 1966 году. В ней развивается мысль, высказанная ещё в трудах Л. В. Щербы и Е. Д. Поливанова, о возможности существования языков, минимальной фонологической единицей которых является слог, в котором функционально может быть выделен начальный согласный, отчасти сопоставимый с фонемой фонемных языков, и остальная часть слога, обладающая фонологической целостностью.

В 1973 году выходит в свет «Фонетика французского языка», содержащая описание фонетического строя современного французского литературного языка, где учтены новейшие для того времени исследования по

общей фонетике и материалы экспериментальных работ по акустическому и артикуляционному анализу звуков французской речи. В книге было предложено новое решение ряда спорных проблем фонологического строя французского языка. Параллельно шла работа над учебным пособием по курсу практической фонетики французского языка совместно с Г. А. Беляковой и М. А. Виллер². Обе книги были впоследствии переизданы³ и являются, наряду с «Французской фонетикой» Л. В. Щербы, базисными учебниками по фонетике французского языка.

Кроме дисциплин французского цикла, Мирра Вениаминовна ведёт на кафедре фонетики семинары по методам фонетического анализа, занятия по общей фонетике и фонетике русского языка, продолжает вслед за Щербой, Зиндером и Матусевич традицию проведения слуховых семинаров, на которых «оттачивается» фонологический слух учащихся и анализируются звуковые системы языков разного строя. В 1983 году вышла в свет книга «Основы общей фонетики», авторы которой — Лия Васильевна Бондарко, Людмила Алексеевна Вербицкая и Мирра Вениаминовна Гордина — поставили цель написать современное учебное пособие, которое должно было стать новым «введением в общую фонетику». Эта небольшая, но удивительно ёмкая книжка, предназначенная изначально для студентов-филологов I курса, выдержала несколько изданий и стала настольной книгой и подлинным введением в фонетику и фонологию и для многих «взрослых» лингвистов.

М. В. Гордина всегда участвовала в проводимых кафедрой фонетики прикладных исследованиях. Ещё в начале 1950-х годов она работала в группе по статистике звуков русской речи, позже это были исследования по интерференции звуковых систем.

Ряд статей М. В. Гординой, опубликованных в кафедральных изданиях, содержат принципиально новые взгляды на казалось бы известные факты. Так, в статье «О фонетической классификации согласных» (1989)⁴ даётся экспериментально обоснованная трактовка русских шипящих согласных не как двухфокусных, а как длинно-щелевых.

Под руководством М. В. Гординой выполнены более 20 кандидатских диссертаций. Знакомство со списком тем диссертационных исследований, выполненных под её руководством, отражает широту её научных интересов: это проблемы французской фонетики, вопросы фразовой инто-

² М. А. Виллер, М. В. Гордина, Г. А. Белякова. Фонетика французского языка: Учебное пособие для вузов. Л.: Просвещение, 1978. — 240 с.

³ Второе, исправленное и дополненное издание «Фонетики французского языка», вышедшее в 1997 году, содержит ряд новых разделов и положений.

⁴ В сб.: Экспериментально-фонетический анализ речи / Под ред. Л. В. Бондарко. Вып. 2. Л.: ЛГУ, 1989. С. 25–34.

нации, фонетика языков слогового строя, проблемы двуязычия и фонетической интерференции, произносительная норма и её кодификация, французское стихосложение и многое другое.

В конце 1990-х годов, по предложению Л. В. Бондарко, Мирра Вениаминовна начала читать на кафедре спецкурс по истории фонетических исследований. Он сразу собрал большое количество заинтересованных слушателей. Одна за другой стали появляться её статьи: «Описание артикуляции звуков речи в XVIII веке (труд Хеллвага)» (2001), «К истории инструментальных методов в фонетике до XX века» (2002), «Теория слога во французской лингвистике XVIII в.» (2002), «Первое описание звукового строя русского языка» (2004)⁵. Работа, которую проделала М. В. Гордина при создании этого курса, уникальна. Был поднят огромный пласт малоизвестных или даже неизвестных источников, прочитаны и осмыслены практически все доступные труды по этой теме. В 2003 году М. В. оформила этот капитальный труд как докторскую диссертацию «История фонетических исследований (от античности до возникновения фонологической теории)», блестяще защищённую в Санкт-Петербургском университете. В 2006 году в издательстве филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета была опубликована книга под тем же названием. Она представляет собой первое полное изложение истории фонетики вобщей перспективе развития лингвистической мысли и техники фонетических исследований.

На основе этой книги и базового учебного курса М. В. Гординой «История фонетических исследований» на кафедре фонетики и методики преподавания иностранных языков Филологического факультета СПбГУ было создано и размещено в интернете мультимедийное учебное пособие⁶.

⁵ Интерес к истории науки всегда отличал Мирру Вениаминовну. В 1991 году она вместе с Ю. С. Масловым и Е. Д. Панфиловым перевела с французского «Всеобщую рациональную грамматику (Граматику Пор-Рояля)» А. Арно и К. Лансло (Изд. Ленинградского университета, Л., 1991). Позже она была редактором перевода на русский язык книги П. Гарда «L'Accent» (2016).

⁶ <http://phonetics.spbu/sites/default/files/res/phonstad/09-2.html>

М. В. Гордина и Л. В. Игнаткина в декабре 2011 года
во время записи воспоминаний

Мирра Вениаминовна Гордина

ВОСПОМИНАНИЯ СТУДЕНТКИ ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1. Предисловие

Я поступила в университет в 1942 году. Этому предшествовал последний школьный учебный год в Череповце и переезд в Саратов.

Вскоре после начала войны родители настояли на том, чтобы я уехала из Ленинграда, и отправили меня в Череповец, где жили коллеги мамы, с которыми она училась в Германии. Я уехала в июле. Родители оставались в Ленинграде и пережили там первые полгода блокады. В конце февраля 1942 года они эвакуировались в Череповец.

Эвакуированных направляли на эвакуопункты, где они получали талоны на мытьё и на обработку одежды от вшей, а также на питание, причём в Череповце те, кто оставались в городе, питались в столовых, а мои родители и я получили направление в село Серово, очень близко от города. Там можно было получить талоны на продукты, за которыми нужно было ходить достаточно далеко. Это была моя обязанность. Выдавали зёрна пшеницы, которые надо было ещё размолоть в крупу. Это делалось с помощью ручных каменных жерновов. В доме, где мы жили, жерновов не было. Нужно было просить сельских жителей разрешить раз-

молоть зерно у них. Получившийся помол замачивали на ночь и утром варили кашу.

Каждый день по радио была краткая передача из Ленинграда, которая начиналась словами: «Говорит Ленинград. Слушай нас, родная страна...», а дальше сообщались новости. Я всегда прерывала работу и слушала радио.

В Череповце я жила в семье врача военного госпиталя, и в первых числах декабря 41 года он сообщил, что нужно приготовить небольшой чемоданчик с самыми необходимыми вещами, сколько можно будет унести в руках, потому что возможна эвакуация. К счастью, битва за Москву была выиграна и эвакуация не состоялась.

Но в Череповце оставаться было нельзя, потому что там не было работы, нужно было куда-то ехать и «выбивать» место для последующей эвакуации. А для этого надо было в соответствующих учреждениях получить направление на дальнейшую эвакуацию. Родители хотели ехать на Северный Кавказ, потому что в станице Прохладная жила мамина старшая сестра, но туда их не пустили, т. к. «в верхах» было уже известно, что на Северном Кавказе опасно и что нечего туда стремиться, а простому населению не было ничего известно. Значит, на Северный Кавказ их не пустили, нужно было выбирать какой-нибудь другой город, и вот папа выбрал Саратов из тех соображений, что там есть университет и промышленность, значит, будет работа для него, будет возможность учиться для меня, а мама — врач, она где-нибудь, как-нибудь устроится.

И вот когда мы оказались в Саратове летом 42 года, тогда и обнаружилось, что в Саратове находится Ленинградский университет. И я, конечно, подала документы в Ленинградский университет, а не в Саратовский, и меня приняли без экзаменов, тогда, по-моему, принимали вообще без экзаменов, по результатам аттестатов. А аттестат у меня был хороший.

2. В Саратове

В Саратов мы ехали по воде, довольно долго, несколько суток. По дороге можно было получить питание. В некоторых местах мы довольно долго стояли, ожидая отправления теплохода. Помню, что в Куйбышеве (Самаре) нам выдали изюм, много изюма. Перед продолжением пути каждый раз надо было проходить санобработку.

В Самаре на главпочтамте все стены были заклеены частными объявлениями, в которых их авторы сообщали, где они находятся, куда направляются, и просили прочитавших по возможности сообщить об этом заинтересованным лицам. Эти объявления никто не снимал, это была такая стихийная частная почта. И по-видимому — с хорошим результатом.

В Саратове по эвакуодокументам можно было в магазине получить хлеб, и хотя справки об эвакуации были уже неоднократно использованы и покрыты отметками и записями о выдаче хлеба, всё же можно было получить хлеб и второй раз в тот же день.

В вокзальной столовой в Саратове на основании тех же справок можно было получить и горячее питание, правда, только один раз, потому что официантки прибывающих помнили в лицо.

Эвакуированных размещали в разных местах. Мы попали в помещение кинозала, где вместо стульев стояли койки. Весь большой кинозал представлял собой одну большую спальню. Люди ждали решения о своих дальнейших действиях.

Когда мама получила направление на работу в сельскую местность, мы все уехали из Саратова.

Перед началом учебного года я получила извещение о зачислении в университет и должна была получить в районном центре разрешение на переезд в Саратов. Для этого пришлось несколько раз пропутешествовать пешком из села в райцентр, который раньше назывался Ней-Вальтер⁷, а во время войны был переименован в Свердлово. В Ней-Вальтере, который, как видно из на-

⁷ Немецкая колония Ней-Вальтер была основана во второй половине XIX века недалеко от села Вальтер (ныне Гречижино Волгоградской

звания, был немецким поселением, устройство домов отличалось от русских изб. В русских избах всегда были русские печи, в которых готовили пищу и даже мылись, а в домах жителей Ней-Вальтера русских печей не было, но в плиту был вмазан большой котёл для воды, на несколько вёдер, так что в доме круглые сутки была тёплая вода.

И так вот я оказалась студенткой университета, а потом, когда университет после снятия блокады, летом 44 года, отправился в Ленинград, я тоже вернулась в Ленинград.

2.1. Учение

Я поступила на французское отделение. На французском отделении преподавали Римма Александровна Иванова, Ольга Сергеевна Заботкина, Маргарита Ивановна Матусевич. Лев Рафаилович Зиндер был переводчиком в армии, его, конечно, не было в Саратове. Но в Саратове был Владимир Яковлевич Пропп. Там была и Елизавета Яковлевна Антипова, жена Проппа. Там был Григорий Александрович Гуковский, и его брат Матвей Александрович Гуковский, по-моему, тоже там был. Слушала я Александра Павловича Рифтина, он читал «Введение в языкознание». Гуковский читал теорию литературы и литературу XVIII века. Там был и Иосиф Моисеевич Тронский, который читал античную литературу. Древнерусскую литературу читал Игорь Петрович Ерёмин, западноевропейскую — Михаил Павлович Алексеев.

В Саратове лекции по истории литературы читались для студентов и русского, и западного отделений вместе, так что студенты обоих отделений получали полные курсы.

Ректором университета был Александр Алексеевич Вознесенский⁸, его брат, Николай Алексеевич Вознесенский⁹, был чле-

области). После депортации немцев в конце мая — начале июня 1942 года была переименована в честь революционера Я. М. Свердлова.

⁸ Александр Алексеевич Вознесенский (1898–1950) — советский экономист, деятель науки и культуры. Ректор Ленинградского государственного университета (1941–1947).

⁹ Николай Алексеевич Вознесенский (1903–1950) — советский политический и государственный деятель, экономист.

ном ЦК, и поэтому нашего ректора называли «персона брата». Это обстоятельство, несомненно, помогало ему при решении многих вопросов. А. А. Вознесенский был ректором двух университетов одновременно, Саратовского и Ленинградского, и базировались они в одних и тех же помещениях Саратовского университета. Если бы было два разных ректора, несомненно, были бы трения, конфликты, большие сложности, а так сложностей никаких не было: глава был один и тот же, «двуглавый».

Администрация Ленинградского университета находилась в гостинице «Россия», в центре города; в номерах гостиницы жили сотрудники университета, позднее некоторые профессора и преподаватели переехали в гостиницу «Европа». Поэтому ходила шутка: Гитлер сначала занял Европу, а потом пошёл в Россию, а Вознесенский наоборот: сначала занял «Россию», а потом — «Европу».

Я помню, что Рифтин на первом курсе читал зимой лекции по «Введению в языкознание». Сначала это было в аудиториях Саратовского университета. Аудитории были великолепные, амфитеатровые, большие, просторные, но поскольку в этих больших аудиториях не топили, то потом он стал читать лекции в помещении читального зала библиотеки Саратовского университета, где тоже было очень холодно, студенты сидели за столами в верхней одежде, а он стоял, тоже в пальто (только, по-моему, без шапки), близко к стене, близко к дверям, и возле него топилась буржуйка. Студенты сидели в перчатках. Тогда не было шариковых ручек, писали либо карандашом, либо чернилами, но чернилами было не всегда можно писать, потому что чернила в чернильнице и в ручке замерзали. Чтобы писать, нужно было сначала в руках её отогреть, чтобы «чернильный лёд» растаял, поэтому чаще писали карандашом.

Студенческие языковые группы были небольшие, человек 6–7, в нашей группе было два мальчика, которые потом отправились на фронт.

Рифтин опоздавших на лекцию не пускал. Когда он стал читать нам во втором семестре (это было уже в помещении общежития — там тоже были большие комнаты, которые можно было

приспособить под аудитории), то единственная возможность для опоздавших послушать лекцию — это устроиться под дверью и слушать то, что проникало через дверь; писать можно было только на коленях, если удавалось сесть. Рифтин использовал очень хороший методический приём: он в начале каждой лекции в течение нескольких минут кратко излагал всё основное из предыдущей лекции, так что если студент пропускал одну лекцию, он мог с относительно небольшими потерями восстановить пропущенное.

Были объявления такие забавные. Рифтин как раз читал нам лекции по введению в языкознание и говорил о переносе значения, что, например, бельё вовсе не обязательно белое, приводил и другие аналогичные примеры. И я помню, видела в Саратове такое объявление в часовой мастерской: «Вставка небьющихся целлулоидных стёкол».

Поскольку света очень часто в общежитии не бывало, то вечером было делать совершенно нечего, с коптилкой много не читаешь. А в Саратове работал лекторий, я не помню, на базе какого учреждения это было. Профессора Ленинградского университета читали там лекции по литературе, читал там Михаил Павлович Алексеев, не помню сейчас темы, но это было интересно, это было полезно и интересно, мы ходили слушать, а, кроме того, профессора рассказывали ещё и о себе и о том, как они учились, как они сдавали экзамены, в частности, Григорий Александрович Гуковский рассказывал, что он, будучи студентом в течение, по моему, целого года и даже больше почти ничего не делал, и когда нужно было сдавать экзамены, чуть ли не за два курса, он был абсолютно не готов, у него были «хвосты» по многим предметам. Ему нужно было сдать какое-то колоссальное количество экзаменов. И он рассказывал, что тогда он начинал «печь» экзамены и каждую неделю, каждые пять-шесть дней, он сдавал один экзамен. И он читал всё время, ходил по улице с раскрытой книгой и читал, рискуя попасть под машину.

Что ещё можно сказать про экзамены в университете? Перед отъездом университета в Ленинград я хотела сдать как можно больше экзаменов и кое-что сдавала досрочно, а тогда были такие

вольности в университете, что не нужно было ходить в деканат брать направление на экзамен, просить разрешение сдавать досрочно, а можно было просто договориться с преподавателем, пойти и сдать. Возвращение Университета в Ленинград было назначено на июнь 1944 года, и в связи с этим экзаменационная сессия была отложена, но желающие могли сдать экзамен досрочно, по договорённости. Так я сдала экзамен Ерёмину по древнерусской литературе. Ерёмин вел этот курс для всех студентов, русских и западников, и я с удовольствием читала тексты, не только «Слово о полку Игореве», но и «Повесть о Петре и Февронии» и многое другое. Сдавать этот экзамен мы ходили вдвоём, моя сокурсница Таня и я, домой к Ерёмину, который жил в «Европе». Он сказал, куда прийти, и принял нас в своей комнате (больше было негде), и я сдала древнерусскую литературу досрочно.

А Маргарите Ивановне я сдавала введение в языкознание, мы готовились по части её кандидатской диссертации. В Саратове она защитила кандидатскую диссертацию по удэгейскому, кажется, языку, я уже не помню, по какому-то из северных языков, а вводная часть была — очерк общей фонетики, и эта часть лежала в библиотеке университета в машинописном¹⁰ виде, можно было взять почитать, подготовиться. Помню, что я старательно готовилась, я запомнила треугольник гласных: передний ряд, задний ряд, ничего не понимая в этом деле, но хорошо всё запомнила, и мы договорились с Маргаритой Ивановной, что мы к ней придём сдавать в общежитие. Я уже говорила, что профессура жила первоначально в гостинице «Россия» на главной улице Саратова, не помню, как она называлась¹¹, там была и администрация университета, и жилые помещения для преподавателей и сотрудников, они там жили, конечно, очень тесно, очень неудобно, а потом Вознесенский добился, чтобы ему дали ещё

¹⁰ Вводная часть кандидатской диссертации М. И. Матусевич была напечатана как учебник «Введение в общую фонетику».

¹¹ Главная улица Саратова до революции называлась Немецкая улица. С 1917 по 1935 — улица Республики. С 1935 года по настоящее время — проспект Кирова. Проходит от улицы Радищева до улицы Чапаева.

и помещение гостиницы «Европа». «Европа» помещалась на улице, которая называлась Польская. Мы с Маргаритой Ивановной договорились, что придём вместе с моей сокурсницей к часу, и как раз в тот день, когда мы сговорились прийти, был проливной дождь, проливной совершенно, потоки воды стремились по тротуарам и возле тротуаров, а сверху лилось как из ведра, но делать было нечего, мы пошли и промокли, и когда мы пришли уже к Маргарите Ивановне, с нас немножко стекло перед входом в гостиницу, потом мы добрались до её номера, постучали, сказали, что вот мы пришли сдавать зачёт, она нас отправила в комнату, в такую пустую, где стояли металлические кровати, — не с сеткой, не с пружинами, а с такой решёткой металлической, были тогда такие. «Вот, садитесь на эту кроватку, значит, подождите я сейчас приду». Мы сели, стали ждать, с каждой из нас натекло по луже. Это было уже весной, был уже май месяц, уже было совершенно тепло. Ну вот, потом пришла Маргарита Ивановна, что-то у нас спросила и поставила зачёт, а потом нужно было под этим дождём отправляться восвояси, сначала мы ещё выбирали более или менее мелкие места, а потом, когда туфли окончательно промокли насквозь и было совершенно безразлично, куда ступать, мы прямо по лужам отправились домой в своё общежитие.

2.2. Быт

Транспорт ходил тогда в Саратове ужасно плохо, улицы, конечно, не чистили, студенты ходили из общежития на лекции пешком. Если достаточно рано выйти, то можно было успеть. Трамваи ходили, но очень редко. Про автобусы я не помню, троллейбусов, по-моему, в Саратове тогда не было, во всяком случае, я не помню, чтобы они там были.

Был в городе рынок — «барахолка». Профессура университетская ходила на этот рынок, на барахолку, возможно, не для того, чтобы купить что-нибудь (может быть, иногда и для того, чтобы купить), а для того, чтобы что-нибудь продать. Я тоже заходила, но не продавать, а в основном покупать. Я там купила книжку Сэпира «Язык», которую потом у меня кто-то «увёл»,

ещё какую-то книжку купила, и вот в один из дней, когда я была на барахолке, я видела кого-то из университетских профессоров, это был кто-то, кого я в лицо знала, и кто мог знать меня в лицо (студентов Ленинградского университета в Саратове было не так уж много), и я постаралась поскорей уйти, я подумала: а вдруг он меня заметит, увидит, что я его вижу, и ему будет неудобно, и я постаралась поскорее «смыться», так сказать, чтобы не быть замеченной, надеюсь, что меня так и не заметили.

Вообще преподаватели очевидно жили скудно, особенно те, у которых были иждивенцы. Я помню, что уже после войны, летом 47 года, преподавательница кафедры немецкого языка Сандухт Арамовна Акулянц рассказывала, что она в Саратове зарабатывала дополнительный хлеб, именно хлеб, а не деньги, тем, что по ночам гладила концертные платья актрисам местного театра. Дело в том, что ночью в жилые дома электричество часто не подавали, а в гостинице «Россия» свет был, и этим она и пользовалась.

Профессора и преподаватели университета получали от союзников подарки — то, что сейчас называется гуманитарной помощью. Это были, в частности трикотажные предметы одежды из шерсти. Не всегда именно эти вещи были нужны и не всегда они подходили по размеру, и тогда их обладатели их распускали и из получившейся пряжи вязали себе нужное. Трикотаж был обычно защитного цвета, и таким образом студенты по виду одежды понимали, что преподаватели получили подарки от союзников.

Во втором семестре, с февраля 1943 года, поскольку в аудиториях был собачий совершенно холод, занятия шли в общежитии. Общежитий в университете было два: было общежитие на Цыганской улице¹², недалеко от вокзала и здания Саратовского университета, именно там мы и занимались, и было общежитие на улице Радищева, это было дальше, в нескольких трамвайных остановках от Университета, по сегодняшним представлениям не очень далеко, но в то время, если учесть, что было ещё холодно и ветрено, то ходить пешком было достаточно неприятно. Гово-

¹² В настоящее время ул. Кутякова.

рили, что в Саратове, везде, в каком бы направлении вы ни шли, ветер почему-то всегда дует в лицо.

Сложность была в том, что в общежитии на улице Радищева тоже было холодно. Там спали, конечно, не раздеваясь, укрывались — как могли. Если оставляли воду в ведре, потому что водопровод то работал, то нет, вода в ведре иногда покрывалась коркой льда.

Комнаты в общежитии были небольшие, на 2–3 человека, бывали комнаты и побольше. Стояла буржуйка, которую топили, чем могли. Осенью 43 года в Саратов провели природный газ, в Университете стало функционировать центральное отопление, в аудиториях было уже тепло, но время от времени появлялись слухи, что где-то произошёл взрыв из-за утечки газа. В Университете этого не было.

Девушка, с которой я жила в одной комнате, была какая-то комсомольская деятельница. И она получила разрешение на ночное дежурство в какой-то комсомольской конторе, не помню точно, что это было, райком или какое-то районное комсомольское или партийное учреждение, где было тепло, где был свет. И она брала с собой своих сокурсниц, соседок по общежитию. И несколько раз она приглашала меня, да и других. И, конечно, мы пользовались тем, что там есть свет, и готовились там к семинарам и вообще читали. Но потом всё это счастье довольно быстро закончилось, так как эта студентка подала заявление, что она хочет работать в какой-то специальной организации. Пока её проверяли, она была студенткой, а потом она ушла из университета и работала, то ли в НКВД, то ли в какой-то милицейской организации, она не распространялась конкретно, что это такое, а я, естественно, не спрашивала.

В городе работали парикмахерские, были маникюрши, и мы ходили делать маникюр. Я иногда ходила делать маникюр для того, чтобы вымыть руки. В общежитии тёплой воды не было, иногда вообще воды не было, но всё-таки хотелось хоть немножко помыть руки. А так вот маникюр делаешь, заодно и руки чистые. Цены были доступные вполне.

Торговли готовым платьем почти не было. Купить или заказать в ателье одежду было довольно трудно. В ателье можно было заказать не платье целиком, а только раскрой и сметку. Я один раз такой возможностью воспользовалась и на руках сшила себе летнее платьице.

В Саратов тогда приезжали на гастроли столичные музыканты, в частности несколько концертов дал известный пианист Яков Флиер.

2.3. Питание

Продукты и хлеб выдавали по карточкам, причём были разные категории карточек: рабочие, служащие, детские, иждивенческие (для тех, кто не работал, практически для пенсионеров). Для каждой категории были свои нормы выдачи продуктов и хлеба. Кроме того, было два вида карточек: обычные и так называемые «рационки». На обычных карточках месячная норма продуктов делилась, кажется, на три части, и выдавали продукты тоже по частям, иногда с заменой, например, сливочного масла на сыр (в два раза больше по весу) или на сметану (не помню, на сколько больше по весу), из которой можно было сбить масло. «Рационки» — это карточки, на которых месячная норма была разделена на талоны, каждый на очень малое количество продуктов, для того, чтобы питаться в столовой. Например, талоны на крупу по десять граммов или по двадцать, масло по пять граммов на талон и т. д. Мясо тоже соответственно, если оно было. В столовой вырезали нужное количество талончиков: за суп, допустим, такой-то, столько-то грамм крупы, за кашу — столько-то, столько-то грамм жиров и так далее. Хлеб нужно было покупать в магазине и для этого прикрепляться к какому-либо магазину.

Когда мы приехали из Саратова в Ленинград и выяснилось, что хлебные карточки прикреплять не нужно, мы были несколько удивлены, но, объяснение было простое: неизвестно, где застанет обстрел, где окажется человек в тот или иной момент, он должен иметь возможность выкупить свой хлеб в любом месте.

А в Саратове нужно было карточку прикрепить обязательно, и нужно было удачно выбрать магазин, где очереди поменьше,

и нередко к одной и той же булочной прикреплялись несколько студентов, живших вместе в общежитии, тогда можно было ходить за хлебом поочередно.

И не всегда в магазине бывал хлеб. Бывало, стояли колоссальные очереди в ожидании хлеба, а иногда вместо хлеба выдавали просто тесто, потому что не было, очевидно, энергии для того, чтобы его испечь. Можно было, конечно, съесть тесто сырым, но всё-таки желательно было каким-то образом его испечь. Если была буржуйка, то на этой самой буржуйке пекли такие, так сказать, «оладьи».

Помимо обычных карточек на хлеб, которые нужно было прикреплять к определённому магазину, существовали и так называемые «рейсовые» карточки, которые выдавались людям, уезжавшим в командировку, по которым можно было получить хлеб в любом магазине, и не только чёрный, но и белый. В качестве белого хлеба продавался так называемый «кух» (от немецкого слова *Kuchen* 'пирог'). Это были пласты белого хлеба. Рейсовые карточки люди в шутку называли «рельсовые». Один раз я их тоже получила. Это случилось потому, что я то ли потеряла, то ли у меня украли обычные карточки. Я попросила заменить утерянные карточки, и мне их заменили на рейсовые, так что я в каком-то смысле даже выиграла, потому что могла выкупить белый хлеб.

Но, ничего трагичного мы не ощущали, всё было достаточно весело.

Да, я хотела ещё рассказать, о том, как можно было несколько улучшить своё питание, используя рынок в Саратове. В Саратове был «крытый рынок», который находился в центре города, где был большой транспортный узел. Очень многие трамваи ходили мимо этого «крытого рынка». Я прекрасно помню, что когда мы, только приехав в Саратов в эвакуацию, спрашивали, как нам добраться до такого-то учреждения, где оно находится, то нам обычно отвечали: «Вот вы доезжаете до „крытого рынка“, а потом садитесь на такой-то трамвай и в таком-то направлении». Такое впечатление было, что «крытый рынок» — это то место, от которого можно было, так сказать, танцевать, как от

печки. Это действительно было большое помещение, такое достаточно типовое, примерно такую архитектуру имели рынки и в других городах, но в Ленинграде — не знаю, Ленинградские рынки я тогда не знала... А вот на Сенном рынке в Ленинграде до его реконструкции были такие большие крытые павильоны, с полукруглой стеклянной крышей, без опор внутри, с прилавками вдоль всего помещения, ну, похоже, может быть, на Кузнечный рынок, но только Кузнечный рынок имеет капитальные стены, кирпичные. И крыша у него тоже не такая, не стеклянная, не прозрачная, по-моему, я уж не помню.

Там, в Саратове, местные деревенские жители привозили на продажу продукты и, в частности, привозили так называемое кислое молоко. В Саратовской области кислым молоком называлось не скисшее молоко, а то, что у нас сейчас называется ряженкой. Вот они привозили это кислое молоко и продавали его в банках, в полулитровых банках, так что можно его было съесть прямо на месте. И вот студенты по дороге в университет заходили на «крытый рынок», покупали кислое молоко, с собой у них был кусок хлеба, и там же на месте это съедали. Банка оставалась хозяйке. Стоило это — не помню сейчас сколько. Сначала — подешевле, кажется, рублей 60 или 50, потом стало дороже. А может быть, и меньше стоило... Да, наверное, меньше, потому что стипендия исчислялась всё-таки двумя-тремя сотнями рублей, но так как питание в столовой стоило копейки — сколько может стоить порция каши, овсяной или перловой или пшённой каши? Ну, 30 копеек она стоила. Обед стоил около рубля. Значит, если вы на 30 дней, 30 обедов, ну 30 рублей, ну, 35 рублей. Ещё завтраки по полтиннику — ещё там сколько-то рублей. Остальное же девать было в общем некуда, потому что купить ничего серьёзного было нельзя, конечно, никакой одежды купить было невозможно. А вот на рынке можно было позволить себе, не каждый день, конечно, а раз в несколько дней, получить полноценное питание, пол-литра ряженки — это хорошее питание, с куском хлеба это было вполне сытно. И вот время от времени я тоже, редко, правда, но я тоже заходила и таким образом подкармливалась,

и другие подкармливались. Так что «крытый рынок» — это было такое примечательное место в Саратове.

2.4. Работа

Время от времени занятия отменялись и студентов посылали то разгружать дрова, которые прибывали на баржах, то перебирать на овощных складах помидоры и что-то ещё. Это получило отражение в сочинённой студентами песне о жизни в Саратове. Во время работы мы нередко распевали этот наш университетский гимн на мотив известной песни про Мишку-одессита, которую исполнял Леонид Утёсов¹³:

Просторен наш лекторий, не счесть аудиторий,
И жизнь была прекрасна, как мечта;
Мы много занимались, стипендий добивались,
А вечером в театры ходили иногда.

И если двойку получали иль ссорились с любимой, с дорогим,
Мы никогда не унывали, а коль взгрустнётся, только говорим:

«Мы ленинградцы, а это значит,
Что не страшны для нас ни горе, ни беда;
Ведь мы студенты все, студент не плачет
И не теряет бодрость духа никогда».

Но вот в любимый город пришли война и голод,
Враги пытались бомбой и голодом нас взять.
Они не знали, братцы, что стойки ленинградцы,
Что города-героя фашистам не видать.

И если трудно приходилось, и силы начинали покидать,
Нам сразу легче становилось, когда мы начинали напевать:

«Мы ленинградцы, а это значит,
Что не страшны для нас ни голод, ни мороз;
Ведь мы студенты все, студент не плачет,
Любое горе переносит он без слёз».

Далёк от нас лекторий, и нет аудиторий,
В Саратов нас забросила война:
Обеды жидковаты, в домах холодновато,
И часто вместо лекций идём грузить дрова.

¹³ Песня «Одессит Мишка» в исполнении Леонида Утёсова была одной из самых популярных песен времён Великой Отечественной войны. Автор музыки М. Воловац, автор слов В. Дыховичный.

А если трудно приходилось, иль силы начинали покидать,
Нам сразу легче становилось, как только принимались напевать:
«Мы ленинградцы, а это значит,
Что нас теперь уже ничто не устршит;
Ведь мы студенты все, студент не плачет,
В ответ на трудности он только говорит:
«Мы ленинградцы, а это значит,
Что не страшны для нас ни горе, ни беда;
Ведь мы студенты все, студент не плачет
И не теряет бодрость духа никогда».

Разумеется, студенты норовили с собой кое-что унести, их ловили, но в милицию не сдавали, просто отбирали то, что они пытались вынести. Все понимали, что с одной стороны, нужно поддерживать дисциплину, а с другой стороны, студенты ведь с голодухи берут. Поэтому сотрудники складов были снисходительны.

Помню ещё, что когда мы жили в Саратове, летом нас посылали на какие-то сельскохозяйственные работы, причём, добираться нужно было на трамвае. В Саратове трамвай ходил за город, и там были остановки: Первая дачная, Вторая дачная, вот на какой-то из «дачных» остановок нужно было выйти, потом пешком пройти.

Нас поместили в каком-то сарае, бараке, не знаю, как это назвать, девочек и мальчиков как-то отделили друг от друга. Мы там ночевали, как-то нас кормили. Ну и должны были мы то ли полоть, то ли окучивать, какие-то сельскохозяйственные работы выполняли, ну а потом обещали нас сменить. Смена, я уж не помню, пришла — не пришла, в общем, каким-то образом мы свои ходом добирались в город, тоже на трамвайчике, с какой-то из дачных остановок. Ну, по молодости всё это было совсем не трудно перенести.

Ещё помню, это было зимой. Это была зима 43 года, очевидно, как раз Сталинградская битва. И, очевидно, были большие опасения, что немцы подберутся к Саратову, и нас, студентов, отправили вместе с преподавателями в очень морозный день на строительство каких-то укреплений. Мы толком не знали, что это

за укрепления и какова обстановка на фронте, но мы должны были что-то копать, что-то двигать, что-то устраивать, то, что военные считали нужным делать. Мы были использованы как рабочая сила. Конечно, вы понимаете, что копать мёрзлую землю, когда на улице минус 15, не Бог вещь как легко. Я не помню, много ли мы наработали, но помню, что, опять-таки по молодости, было даже не очень холодно, потому что мы двигались. Что я могла наработать в мои 18 лет, когда я была тощая, носила одежду 44 размера. И я никогда не была вообще от природы сильной, я не помню, что я там делала, честно говорю. Но помню только, что привезли нам еду, хлеб. И хлеб был мёрзлый. Разрезать его было невозможно, как-то мы его всё-таки отогрели, и поделили, и поели. Помню, что был с нами Александр Павлович Рифтин. Рифтин был вообще прелестный совершенно человек, очень внимательный к студентам, очень добрый. Когда он был деканом, то студенты его называли «папа Рифтин». Он был очень заботлив. И вот он спросил, что мы пожелаем той пушке, которая должна будет здесь стоять. Я сказала: чтоб ей не пришлось выстрелить. Вот такой эпизод был. Но потом мы из этого места довольно быстро вернулись в город. Не помню опять-таки, на каком транспорте, пешком, или трамвае, или на какой-то машине, не помню совершенно.

2.5. Семья

Мои родители жили некоторое время под Саратовом, в селе, потом перебрались в город. Отец получил работу на крекинг-заводе¹⁴. Мама работала там в здравпункте, осматривала призванных в армию казахов и киргизов, это были люди нельзя сказать что малообразованные, а совсем необразованные, которые порусски-то еле говорили. И мама рассказывала, что когда она приходила и спрашивала: «Что болит?» Они говорили: «Курсак болит». А «курсак» — это живот. Ну, конечно, им была непривычна пища, непривычен климат, конечно, они болели без солнца.

¹⁴ Завод по высокотемпературной переработке нефти и её фракций с целью получения моторного топлива, смазочных масел сырья для химической промышленности (от англ. *cracking* 'расщепление').

В Саратове люди, которые учились в Ленинградском университете, были либо местные, либо эвакуированные, которые то ли снимали комнату, то ли получали казённое жильё, какие-то комнаты, где они могли жить. Иногда в одной комнатке в коммунальной квартире ютилось по 5–6 человек, спали по очереди, кто-то работал в ночную смену, кто-то работал днём, соответственно по очереди они спали, занимали лежащие места. А местные студенты, естественно, жили у себя дома и только приходили на занятия. Но таких было мало, не знаю, какой был процент студентов из местного населения, которые учились в Ленинградском университете, потому что некоторые из саратовских студентов поехали потом вместе с университетом в Ленинград, а некоторые, по-моему, остались и перевелись в Саратовский университет, потому что не хотели жить в общежитии в Ленинграде, а тут у них были домашние условия, и они предпочли не покидать своё родное гнездо.

В Саратове можно было снять комнату или угол за дрова, и висели частные объявления, в которых предлагалось жильё за дрова. И я попросила папу узнать, нельзя ли на заводе получить ордер на дрова, с тем, чтобы я могла жить не в общежитии, а в квартире. Это удалось, но это был только угол в проходной комнате, только место, где можно было спать и читать книжки. Это было на втором курсе.

Сотрудникам крекинг-завода выдали участки под огороды и очень пропагандировали посадку картофеля не целыми клубнями, а верхушками клубней с ростками. Но работать на воздухе за городом было очень неприятно из-за того, что на людей нападали мошки, которые очень больно кусались и места укусов ужасно чесались.

Летом 43 года (это как раз были каникулы) Саратов подвергался бомбардировкам. Правда, немцы, очевидно, были очень хорошо осведомлены, где находятся интересующие их либо промышленные предприятия, либо воинские части, поэтому жилая часть города не страдала от бомбёжек, насколько мне это известно. А вот в районе крекинг-завода, где работал отец, вот там бомбы падали. Правда, тоже не на жилые дома. Жилые дома на-

ходились на расстоянии, в километре или полутора километрах от завода. И бомбы падали где-то поблизости от завода. На части завода, которые занимались выпуском продукции, они не попадали, но падали поблизости. И когда начиналась бомбёжка, она начиналась всегда примерно в одно и то же время, часа в три ночи. Я тогда, летом, жила уже не в общежитии, а вместе с родителями, у них была от завода небольшая комнатка. Так вот, мы спускались в бомбоубежище, это были щели, такие траншеи, со скамейками внутри, с укреплёнными досками стенками, куда можно было спуститься по небольшой лесенке, даже прыгнуть, кто помоложе и посмелее, и там можно было переждать бомбёжку. Вот мы спускались, это было не страшно, нужно было только, когда ложишься спать, заранее знать, что будет тревога, что нужно будет выходить, и, следовательно, спать не совсем голышом, но так, чтобы можно было летом накинуть на себя платье или халат или что-нибудь ещё и добежать до щели. Потом бомбёжка кончалась. Это продолжалось недолго, и мы возвращались в свои квартиры. Дома там были панельные, очевидно, потому что я помню, что их трясло, они так вот покачивались к стенке, не очень сильно, но покачивались, было не страшно, нисколько. Я помню, что один раз в комнате почему-то стояло ведро с водой, или кастрюля с водой, а над этой кастрюлей или ведром висела полочка с моими конспектами, и вот какая-то книжка, или какая-то тетрабочка упала в воду, так частично попала в воду, и текст, который был написан чернилами, размылся на нескольких страничках, но ничего: конспекты не очень сильно пострадали.

3. Возвращение в Ленинград

Когда блокада Ленинграда была снята, стало ясно, что Университет вскоре вернётся в Ленинград. И, действительно, из Саратова в Ленинград была направлена группа сотрудников ЛГУ, из администрации и некоторых преподавателей, чтобы подготовить всё необходимое для возвращения из эвакуации. В этой группе

был преподаватель романского отделения Рубен Александрович Будагов, который занимал какой-то административный пост¹⁵.

Так вот, когда нужно было ехать в Ленинград, это было объявлено всем студентам. Возвращение было очень хорошо организовано. Было сказано: «Объединитесь в группы по два-три человека, кто с кем хочет ехать». Очень разумное решение было, великолепное.

Университет возвращался в специальном поезде-эшелоне. Эшелон был такой: преподаватели, профессора и, очевидно, административная часть ехали в плацкартных вагонах (по-моему, купейных не было), а студенты ехали в вагонах пригородного сообщения, причём не таких, как сейчас. Сейчас сиденья расположены совершенно симметрично: проход посередине вагона и с каждой стороны по три сидячих места, а тогда с одной стороны, было три места, с другой стороны — два. И вот нужно было, значит, соответственно объединиться, либо по трое, либо по двое.

Сказали: «Возьмите с собой в вагон вещи, которые вам будут нужны в дороге, и которые вы сможете использовать, чтобы устроить себе лежащее место». Так что мы брали с собой чемоданы или какие-нибудь мешки с вещами, чтобы можно было их положить между скамейками и как-то спать в полулежащем положении.

И в дороге, конечно, нас кормили и выдавали хлеб.

Нужно сказать, что вообще Вознесенский студентов подкармливал: во-первых, то, что нам давали по карточкам в столовой, это было, конечно, больше того, что мы могли бы получить, если бы выкупали в магазине и готовили бы дома. А потом, в какой-то момент, студентам выдали масло... Топлёное масло, по-моему, это было. Полагалось довольно приличное количество: то ли двести, то ли даже триста грамм на человека. Причём всё было сделано очень разумно, всё сразу не выдавали, рассудив, видимо, что студенты с голоду, либо продадут, либо наедятся и... чуть ли не погибнут. Выдавали понемногу: по двадцать или по тридцать

¹⁵ В 1942–1947 годах. Р. А. Будагов был заместителем декана филологического факультета ЛГУ, в 1947–1948 — деканом.

граммов за раз, не помню, с какими интервалами. Это была, конечно, большая помощь, колоссальная помощь.

Вообще поездка университета в Ленинград — это был очень важный момент в жизни и университета, и всех студентов. Это путешествие продолжалось не один день и не два, хотя, конечно, сейчас в нормальных условиях это занимает меньше суток, я думаю, из Саратова в Ленинград или Москву. А тогда это продолжалось много дней, может быть, целую неделю.

Студенты вылезали во время движения поезда на открытые площадки вагонов и сидели на ступеньках, дышали воздухом. Было интересно смотреть на окрестности. И, разумеется, эшелон иногда останавливался прямо в чистом поле. Не пропускали дальше. Неизвестно было, никогда не было известно, сколько он простоит. Но дело было летом, было тепло, было солнечно. И некоторые студенты, более отчаянные, рисковали, вылезали из вагонов на травку и там резвились, как могли. И если бывал рядом водоём, по-моему, было несколько таких случаев, когда останавливались то ли возле речки, то ли возле какого-то озера, то студенты рисковали «купнуться».

И один раз, я помню, наш эшелон остановился напротив другого поезда. Наверное, это был поезд по расписанию, в котором оказался академик Тарле, Евгений Викторович Тарле, и вот тогда я видела его издали. Преподаватели университета, историки, которые были с ним знакомы, конечно, бросились к нему, как-то попытались пообщаться. Я тогда совершенно не знала, что он одно время подвергался репрессиям, но люди более образованные, постарше, они, конечно, это знали. И, очевидно, этим тоже определялся их интерес. У меня остались довольно смутные воспоминания о том, как он выглядел. Он был, насколько я помню, не очень большого роста, но не так чтоб совсем маленький, но скорее, ниже среднего, полноват. Слушать его лекции мне довелось один раз. Вообще он был известен как блестящий лектор ещё до войны, чуть ли не до революции. И рассказывали, что студенты разных факультетов приходили слушать его лекции, потому что это был совершеннейший блеск, блестяще читал. Но я его слушала уже в Ленинграде, когда он читал лекцию о ка-

ких-то событиях XIX века, не помню точно — о каком периоде, о каких именно событиях шла речь. Читал он лекцию в большом актовом зале в главном здании университета. Студентов набилось столько, сколько впустили, и некоторые забрались на хоры, хотя на хоры в актовом зале не пускали, как правило, потому что они были в плохом состоянии, боялись, что они обрушатся от тяжести публики. Значит, на хоры пробралось очень малое количество студентов, а вот в самом актовом зале всё было забито. Читал он совершенно удивительно, во-первых, это было блестяще по содержанию, и кроме того, блестяще по форме. Совершенно удивительно, что он говорил как писал, у него в книгах довольно длинная сложно построенная фраза со множеством придаточных предложений, деепричастных оборотов, чуть ли не на полстраницы фраза, и вот он точно так же и говорил. Но при этом слушать было не трудно. При всей длине фразы и вроде бы сложности её построения, она была устроена так, что было всё совершенно понятно и никаких сложностей в понимании того, что он излагал, не было.

Примерно в таком же стиле читал лекции по истории и Владимир Васильевич Мавродин. Я слушала несколько его лекций по истории Советского Союза ещё в Саратове, когда нам читали курс Истории Советского Союза, но продолжалось это очень недолго, потому что потом его сменил другой лектор, я уже не помню, кто это был, но никакого сравнения с Мавродиным, конечно, он не выдерживал. И студенты ходили в ректорат, или в деканат, просили, чтобы Мавродина им вернули, но, конечно, ничего из этого не вышло.

По рассказам студентов некоторые профессора в дороге читали лекции. Места для этого было мало, и услышать их могли немногие, только те, кто был ближе к профессорским вагонам. Мне это не удалось.

В дороге был написан ещё один куплет к нашему университетскому гимну:

Окончены все муки, пришёл конец разлуки,
И снова в милый город студенчество спешит.
Расти, любимый город, цветы, любимый город,
Теперь уж нас с тобою ничто не разлучит.

И если снова враг посмеет напасть на город наш — герой,
Студенты защитить сумеют любимый город дорогой.

Мы ленинградцы, а это значит,
Что не страшны для нас ни горе, ни беда;
Ведь мы студенты все, студент не плачет
И не теряет бодрость духа никогда.

4. В Ленинграде

4.1. Общежитие

Потом мы приехали в Ленинград и поместили нас в общежитии на проспекте Добролюбова.

Как нас выгружали в Ленинграде, я не помню, абсолютно не помню. Помню только, что мы подъезжали к городу, видели характерную для больших городов дымку над городом. Страшно радовались, что мы приехали. Я уже не помню как, но, по-моему, была очень грамотно и хорошо организована выдача багажа, потому что не все вещи мы взяли с собой в поезд, что-то было сдано в багаж, при этом было объяснено, как сдать багаж, какие должны быть бирки, надписи и т. п. По моим сведениям, всё было очень аккуратно привезено, всё было очень аккуратно выдано.

А вот куда нас привезли в Ленинграде, как нас выгружали, как мы оказались в общежитии, абсолютно не помню, абсолютно никаких воспоминаний не сохранилось. Как нам выдавали карточки, когда мы отъезжали, как это было, когда мы приехали в Ленинград, как это было первое время. Но это было как-то организовано, потому что никто не голодал. Разместили нас по комнатам, по-моему, тоже с учётом пожеланий.

Жила я в той части университетского общежития, которая была на проспекте Добролюбова. Жилые помещения выходили на проспект. А во дворе была груда строительного мусора, который образовался от обстрелов и бомбёжек.

Там было два корпуса, и этажи в них не совпадали, были полуэтажи, и студенты, которые жили в общежитии, часто друг друга знали или только по имени, или только в лицо. На одном

этаже стоял титан, где можно было взять горячую воду, чтобы заварить чай. Мощность титана была невелика, а студентов было много, поэтому выстраивалась очередь. Вот тут-то студенты общались и узнавали друг друга.

Бельё должно было быть, кажется, своё, вот не помню, как было с одеялами, в общем что-то выдали, а простыни были свои... Или если даже казённые, то во всяком случае стирать их нужно было своими силами, и студенты кто как устраивались. Нательное бельё стирать тоже нужно было самостоятельно, тут я устраивалась таким образом: в банях были номера душевые, и вот я брала такой номер и одновременно с мытьём стирала то, что с себя снимала, надевала чистое, и потом в следующий раз поступала таким же образом. А постельное бельё, конечно, так выстирать было невозможно, и поэтому находили какие-то места, где можно было сдать грязное бельё в стирку и получить чистое, якобы высушенное, на самом деле, конечно, оно было высушено плохо, досушивали потом в комнате. Прачечные под домами, может быть, и работали, но поскольку я жила в общежитии, я этого не знала.

В общежитии был душ, и иногда можно было принять душ, но это было довольно сложно, потому что он работал не каждый день и очень короткое время, и даже когда он работал, горячая вода вдруг кончалась; в общем, я помню, что мы ходили в баню, это тоже было не всегда просто.

4.2. Столовая

Из общежития до университета добирались пешочком, через Биржевой мост — он тогда назывался мост Строителей. Заходили по дороге в столовую — «академичку»¹⁶. Там можно было по карточкам получить кашу, позавтракать. А после занятий шли в университетскую столовую, «восьмёрку», и тоже надо было отстоять очередь в кассу, где вырезали талончики, потом нужно было дожидаться, пока освободится столик, сесть за столик, и официантки брали соответствующий чек и приносили еду. Но официантки

¹⁶ Так называли столовую Академии наук, которая была недалеко от Университета, в Таможенном переулке, рядом с Кунсткамерой.

были не наёмные работницы, официантами были студенты: с определёнными интервалами какие-то студенческие группы снимали с занятий и отправляли на дежурство в столовой, и им нужно было получать на раздаче еду и разносить по столикам. Тогда в Ленинграде студентов тех или иных групп часто на неделю освобождали от занятий или снимали с отдельных занятий и посылали на обеспечение жизнедеятельности, то есть некоторые студенты работали в столовой за официанток, другие — в гардеробе за гардеробщиков (гардероб работал, между прочим, в пальто не сидели, но потом всё-таки стали сидеть в пальто, потому что было очень холодно). Ну и вот, таким образом, как-то организовывали более или менее приличный быт факультета. Но использование студентов в качестве официантов и гардеробщиков довольно быстро прекратилось. Это продолжалось недолго, по-моему, года полтора.

Помню, что когда я в первый раз пришла в университетскую столовую, это было на втором этаже, теперь это «Университетский центр» называется, и помещение, которое сейчас является большим залом, где проводятся всякие заседания, тогда это было помещение столовой. Там помимо большого столовского зала были ещё маленькие буфетки. И тогда я увидела на столах шроты, которые можно было взять без карточек, купить. Шроты — это такие небольшие полоски размером с ломтик хлеба, толщиной, наверное, сантиметра полтора, может быть, два, которые делались из соевых продуктов, из сои. Вкус был так себе, но это было без карточек, это было всё-таки некоторое питание, и если уж очень было голодно, то можно было так вот добавить, набить ещё чем-то желудок, кроме того, что полагалось по норме. Еда по государственным ценам стоила копейки, но её было мало.

После снятия блокады в Ленинграде можно было купить и продать хлеб, который полагался по карточкам, и делалось это так. В булочной желающий купить или продать хлеб подходил к очереди и спрашивал: Кто-нибудь продаёт или покупает? Если такой находился, а цена была заранее известна, то продающий хлеб, подойдя к продавцу, говорил: Мне отдельно взвесить столько-то грамм. Это разрешалось. Продавец взвешивал отдельно, а покупатель получал хлеб из рук продавца магазина.

Помню, что когда мы приходили в столовую, то сначала подходили к кассе, там нам вырезали из карточек талоны, давали чеки. Нужно было сколько-то копеек заплатить, стоило это конечно дёшево, в общем, ничего не стоило по теперешним представлениям. И потом мы шли уже в зал, но в зале всегда было мало мест, и поэтому надо было пристроиться к какому-нибудь столику, подождать, последить, когда обедавший человек кончит есть, тогда нужно было сразу же занять его место, потому что если мы не успеем занять, кто-нибудь другой перебьёт очередь. А потом нужно было дожидаться официантки, в роли которой, как я уже говорила, выступал кто-нибудь из студентов или студенток. И тогда мы просили: «Возьмите у меня талончик и принесите...» Они говорили: «Мисок нет». Потому что кормили не из тарелок, а были такие металлические мисочки, незмалированные, в которых нам подавали еду, суп и второе, в зависимости от того, за что у нас было уплачено. Так что пообедать в столовой — это было предприятие довольно сложное, не столько технически сложное, сколько требовавшее много времени. На обед в столовой уходило часа полтора-два в лучшем случае. Но не всегда конечно полтора-два часа, иногда и меньше, но бывало и больше, вот когда ждёшь, пока кончит обедающий, потом ждёшь когда будут миски, потом ждёшь, пока официантка принесёт, потом, наконец, нужно было поесть, и всё это требовало времени, так что в университетской столовой, в восьмёрке, были всякие сложности.

4.3. Университет. Занятия

В аудиториях филфака¹⁷ было холодно. Отопление было тогда печное. В помещении кафедры фонетики тоже были печки. Уборщица, которая приходила рано утром задолго до начала занятий, затапливала печку, но если она не успевала протопиться до начала занятий, то уже поручалось кому-нибудь из студентов за этим последить и закрыть вьюшки, когда дрова прогорят, чтобы аудитория всё-таки как-то нагрелась. Были дрова, топили дровами. Я вот не помню, когда дали центральное отопление, ко-

¹⁷ Филологический факультет Ленинградского университета располагался, как и сейчас, в доме 11 по Университетской набережной.

гда печки эти снесли, а в помещении «школы»¹⁸, там до сих пор, по-моему, в некоторых аудиториях есть остатки этих печек. Топки печек в «школе» выходили в коридор, они топились из коридора, а сами печки были в аудиториях.

Аудитории на факультете первоначально были большего размера, потом их разделили. Не зря существует это название — «школа» — там действительно была когда-то школа, школьники занимались. До эвакуации, когда университет был ещё в Ленинграде, там, по рассказам, ещё шли занятия в школе, и можно было видеть ранней весной или в начале осени, как школьники во дворе занимаются какими-то физкультурными упражнениями. А классы, соответственно, были побольше, чем теперь аудитории, эти маленькие аудитории примерно в два раза меньше бывших классов.

Когда университет возвратился в Ленинград, то тоже были вольности дворянские относительно сдачи экзаменов: можно было сдавать экзамены досрочно, нужно было только договориться с преподавателем, и можно было сдавать экзамен не со своей группой. Я была тогда очень своевольной и устраивала себе расписание экзаменов такое, какое было мне удобно. Было расписание официальное: в такие-то дни сдавать такие-то предметы, но я считала, что на какие-то предметы мне нужно меньше времени, на какие-то — больше, и поэтому я сдавала так, как мне было удобно, что-то раньше, и, в частности, литературу первой половины девятнадцатого века я сдавала не со своей группой, а с группой русистов.

Я была у себя в общежитии, в комнате на Добролюбова, читала книжки, чувствовала, что я ничего больше запомнить не могу ни из содержания произведений, которые нужно было знать, ни из их обсуждений, ничего не могу запомнить, в меня больше ничего не входит. Нужно пойти сдавать, чтобы не перелилось через край. Приходили студенты, которые уже сдали экзамен, я спрашивала, сколько там осталось ещё народу: «Уже кончается?» Мне отвечали: «Если ты хочешь сдавать сегодня, так беги».

¹⁸ «Школой» на филфаке называют ряд аудиторий, находящихся на месте, где когда-то была гимназия.

Французская группа, выпуск 1947 года.
Слева направо: С. Эстулина, Е. Зворыкина, М. Гордина, С. Левиева,
Г. Урядова, И. Серебрянская, Н. Долинина

Ну, я побежала. Принимал экзамен у какой-то группы русистов Григорий Абрамович Бялый, я пришла, взяла билет, села готовиться, я была по-моему последняя или предпоследняя, он меня стал искать в списке, я говорю: меня не ищите в списке, я из другой группы. Тем не менее он меня принял, направление не потребовал, и поставил оценку. Но были другие преподаватели, в частности, преподавательница истории партии, к которой я пришла сдавать экзамен, забыв зачётку. Обычно преподаватели не были формалистами, они говорили, ну, хорошо, отвечайте, в ведомости отметят, а зачётку принесёте потом, принесёте — я вам поставлю. А эта — нет, давайте зачётку! Я говорю, что я забыла. — Ну, идите за зачёткой. — Я пошла за зачёткой, и это была, кажется, единственная четвёрка в ту сессию, которую я получила, ну, мне было наплевать, но если бы она меня не прогнала, может быть, я бы и пятёрку получила, потому что отвечала я прилично.

4.4. День победы

Победы все ждали с самого начала мая. Но было только сообщение о битве за Берлин. В общежитии радио было не во всех комнатах, и мы сговорились со студентами из комнаты напротив нашей, где было радио, что нас разбудят, если будут передавать важное сообщение. И действительно, в середине ночи с 8-го на 9-е мая нас разбудил стук в дверь и слова «Война кончилась!». Мы наскоро оделись и побежали в главное здание университета. Когда мы проходили по мосту, по Неве буксир тащил баржу. Мы крикнули «Война кончилась!». Не знаю, услышал ли он нас, потому что расстояние было большое, а наши голоса слабенькие. Когда мы вышли на набережную Невы, то увидели на лестнице здания Академии наук дежурного и ему тоже крикнули, что война кончилась. Было раннее утро, уже светло, белые ночи. А потом мы поднялись в актовЫй зал главного здания университета. Там уже было довольно много народу, говорили, что пошли за ректором, и скоро начался митинг, на котором выступали, конечно, без всякой подготовки, студенты. Говорили искренне о том, что они в тот момент думали и чувствовали. Откуда-то появился патефон, и все стали танцевать. Мы пробыли там не очень долго и вернулись в общежитие. Оказалось, что не все жители проспекта Добролюбова слышали сообщение по радио. Открывались окна, люди спрашивали: «Что случилось?». Мы считали, что они проспали самое главное.

Потом днём был официальный митинг, после которого многие пошли на Дворцовую площадь. Когда я услышала, что подписан акт о капитуляции Германии, я подумала: как хорошо, что уже никого не убивают. Но тут же с огорчением узнала по радио, что бои в разных местах продолжаются.

4.5. В послевоенном Ленинграде

Когда мы определились в общежитии, я пошла в воскресенье пешком на главпочтамт, через мост Строителей и Дворцовую площадь. По дороге мне встретились три человека, двое из них были сотрудниками университета, и только одна женщина была мне незнакома. Город был пуст.

На Дворцовой площади, на стенах Главного штаба, и на домах в начале Невского были видны красные выбоины, как свежине раны — следы от попадания снарядов. Это произвело на меня очень сильное впечатление.

Когда я подошла к зданию Главного почтамта, то обнаружила, что все почтовые службы находятся не здесь, а на Невском, напротив Гостиного двора. В этом помещении Главпочтамт работал довольно долго¹⁹.

Поскольку я была ленинградка, мне было интересно, конечно, встретиться с моими школьными соучениками и соученицами, найти знакомых моих родителей, чтобы попытаться получить вызов для них в Ленинград, чтобы они могли вернуться из Саратова домой. И поэтому я довольно много ездила по городу.

Конечно, у меня были адреса и номера телефонов, но телефоны не всегда работали, и я ездила по этим адресам, пыталась найти знакомых, кое-кого находила и возвращалась в общежитие довольно поздно. Транспорт в Ленинграде тогда был один — трамвай. Трамваи ходили в 44 году, когда университет вернулся, довольно регулярно, но не очень часто. И вместо стёкол в окнах нередко была фанера, поэтому узнать, какая остановка, не всегда было возможно. Были, конечно, и стёкла тоже, но для этого нужно было оказаться возле этого стекла, чтобы увидеть, а так приходилось спрашивать: «Где мы?». Я не помню, объявлял кондуктор остановки или нет. Но кондукторы были, и нужно было платить соответственно кондуктору при входе. Входили через заднюю дверь вагона, выходили через переднюю. И, поэтому, когда трамвай подъезжал к нужной остановке, нужно было загодя, если трамвай был плотно наполнен, пробраться через вагон к передней двери. Спрашиваешь: «Вы сейчас выходите? Вы на следующей выходите?» И тогда, соответственно, либо говорили: «Я тоже выхожу», и тогда пристраивались в хвост. А если нет, то человек пытался посторониться и каким-то образом ты протискивался вперёд.

¹⁹ Историческое здание Главного почтамта, построенное по проекту архитектора Н. А. Львова в 1782–1789 годах, находится на Почтамтской улице, д. 9.

Я помню, что когда я впервые стала ездить в трамвае, сразу после возвращения университета, меня поразила молчаливость публики. Люди не говорили. Все молчали. И даже когда вы оказывались далеко от кондуктора и нужно было передать деньги на билет, то в таких случаях нормально, перед войной, говорили: «Передайте, пожалуйста». А когда билет к вам возвращался, иногда со сдачей, несколько копеек, то говорили: «Спасибо». А тут всё это проделывалось молча. Молча протягивались деньги. Разве что говорили, один билет или два. И молча вам возвращался билет со сдачей. Вот это на меня произвело сильное впечатление. Люди молчали.

Это было ещё во время войны, это был последний год войны. Это было через полгода после снятия блокады.

Конечно, некоторых знакомых удалось найти, но толку от этого было мало, попасть в свою квартиру я не могла, потому что там жил какой-то в то время достаточно влиятельный человек. Он заведовал какими-то лесными или дровяными складами. А в то время в Ленинграде, вы понимаете, дрова — это было очень важно. Да, он был важный человек, во всяком случае, на своём уровне влиятельная персона, и достаточно хорошо обеспеченная. И вот они занимали нашу квартиру. Кое-какая мебель, которая в квартире оставалась, частично была вынесена на склад. Я об этом недавно прочитала в газете, что из квартир, которые были покинуты жильцами, мебель выносили на склад и хранили там, с тем, чтобы, если люди вернуться, мебель им возвратить. И действительно вот эти стулья, на которых мы с вами сидим, они были на складе, и они были нам возвращены. И письменный стол, хороший письменный стол, за которым работал мой отец до войны и после войны тоже, он оказался потом в помещении райсовета, но его вернули. Это был, знаете, старый письменный стол с зелёным сукном, с двумя тумбами, тумбы были не до самого пола, а на таких довольно солидных массивных ножках, а в каждой тумбе было ещё по два ящика и один центральный ящик письменного стола. Довольно хороший по тем временам письменный стол, но потом я его бросила, когда мы переезжали в другую квартиру. Вот ещё какая мебель осталась: буфет, правда, для

того, чтобы поставить диван рядом с буфетом, эти самые, занимавшие нашу квартиру люди, они кусочек верхней доски буфета отпилили, уголок. Но буфет остался в основном в целости и сохранности, потом мы им пользовались, был отпилен уголок, ничего не поделаешь, но он функционировал. И я им пользовалась в послевоенные годы. И даже частично он и здесь сохранился, не полностью, а так, отдельные его части.

Вот. А потом, эти люди, которые занимали нашу квартиру, куда-то уехали. И квартира освободилась, и я, уже не помню каким образом, разыскала нашего ещё довоенного управдома. И мне удалось вернуться, поселиться в этой квартире, прописаться. И тут я уже жила в нашей квартире. Уж точно не помню, каким образом это всё произошло. Но каким-то образом я какие-то шаги предприняла, что-то, конечно, «положила в ручку». По тем временам сумму не очень большую, но всё-таки заметную. А потом — каким образом, я опять не помню — сначала отец, а потом мать из Саратова вернулись в Ленинград.

Карточки отменили в декабре 1947 года. Но и когда были карточки, существовали ещё и коммерческие магазины, то есть магазины, в которых продукты стоили значительно дороже, и не всё там, конечно, бывало, но всё-таки кое-что можно было купить по коммерческим ценам, мороженое, в частности, можно было купить. А мороженое — это всё-таки питание, это всё-таки сахар, жиры. Мороженое покупали даже зимой. И зимой можно было увидеть людей, которые идут по улице одетые по-зимнему, тёплое пальто, воротник, шапка тёплая, тёплая обувь по возможности, — и едят мороженое. Сейчас, по-моему, не увидишь такого зимой. Но тогда зимой мороженое ели, в конце 40-х это можно было увидеть. Но это уже было после войны.

4.6. На сельхозработах

Когда нас привезли в Ленинград, то в июне месяце нас направили на сельскохозяйственные работы в подсобное хозяйство университета, оно было в районе Гатчины. Мы получили соответствующие пропуска, потому что уехать из Ленинграда на пригородном поезде можно было, а вот для того чтобы вернуться

в город, нужно было иметь пропуск. И вот студентам такие пропуска выдавали, поэтому мы там жили в бараках, в каких-то лёгких, летних постройках, там ночевали, там отдыхали после обеда, туда нам привозили хлеб, а потом могли поехать на выходные дни по пропуску в Ленинград. На другой день нужно было вернуться обратно в подсобное хозяйство. Помню, что мы видели тогда с того места, где мы находились, как выглядит Гатчинский дворец. Страшное зрелище было, обгорелые стены, без окон, без крыши. И у меня было полное убеждение, что никогда это восстановлено не будет, но всё-таки как-то, не в первую очередь, но восстанавливается.

В подсобном хозяйстве мы, по-моему, пропалывали и прореживали то, что росло на полях, главным образом, морковь. Разумеется, пользовались случаем некоторое количество морковок съесть, правда, вымыть их было негде, но как-то их от земли очищали, скребли помаленьку и проглатывали. Морковки были тощие, мы прореживали морковь, так что она была совсем тоненькой, потом, конечно, много съесть было не очень удобно. Всё-таки за нами присматривали, так, издали. Но мы немножко ели. Хлеба очень часто не хватало, и мы тогда, бывало, друг у друга занимали: «Одолжи мне кусочек хлеба, я тебе вечером отдам». Вечером нужно было отдать. Мы были, конечно, голодные, потому что, во-первых, просто питание было недостаточное, во-вторых, всё-таки молодёжь, да ещё на воздухе, да ещё с физической нагрузкой, конечно, аппетит разыгрывался.

По карточкам выдавали талоны на водку и соль, которые студентам были не нужны, но мы всё-таки их использовали, продавая местным жителям. Водка пользовалась спросом и в Ленинграде, а продать соль можно было только за городом. Можно было в выходной день поехать за город и продать талон. Это были небольшие, но приятные денежные поступления.

4.7. Культурная жизнь

В Ленинграде, когда вернулись, мы ходили в кино. И в театры и в филармонию. Всё было, всё это было. И в филармонию приезжали гастролёры из-за границы, конечно, их тоже хотели по-

слушать. И приезжали наши знаменитые музыканты, и Ойстрах, и Гилельс, и всех мы слушали, у кого был к этому интерес. Билеты купить было довольно трудно, нужно было постараться вовремя прийти в кассу. Тогда уже — не помню, в каком году это было — в филармонии начинали продавать абонементы на ряд концертов. Форма этих абонементов была разная, сначала это были книжечки, на каждый концерт — талончик. Позже стали экономить бумагу, и был уже один листочек, на котором были маленькие купончики, которые вырезались при посещении концерта. Пропущенный по какой-нибудь причине абонементный концерт можно было заменить другим, для этого нужно было сделать на абонементе специальную отметку.

В филармонии концерты тогда начинались позднее, чем сейчас: сначала в половине девятого, а потом — в восемь, и заканчивались около двенадцати. Но тогда жизнь вечером продолжалась как-то дольше, чем сейчас. А театры начинались раньше, чем филармония. Спектакли — часов в 7, потому что в филармонии концерт продолжается часа два, а в театре спектакли — часа на три по меньшей мере, а то и больше.

И, кроме того, не было таких отдалённых мест в городе. Одна моя сокурсница жила в районе чуть дальше Московского вокзала, на Полтавской улице. По теперешним представлениям это недалеко от университета. А по тогдашним представлениям считалось, что она живёт очень далеко, далеко-далеко, а уж один из моих соучеников, мальчик был такой, молодой человек, Борис Колдобский, он вместе с родителями жил в районе Электросилы, наверное, это было связано с тем, что родители его там работали, Ну, это был край света! Это был край света совершенно, бедный Колдобский, как он добирается до университета? А я жила относительно недалеко, на углу Садовой и Никольского переулка. Это, если сесть удачно на трамвай, то первая остановка была — Театральная площадь, вторая — Площадь Труда, третья остановка была уже на Васильевском острове. Это в общем три остановки, правда, последняя остановка очень длинная — через мост, потом по набережной, но это всего-навсего три остановки. Это, можно сказать, по теперешним представлениям — рядом.

Были трамваи, которые поворачивали не направо, к Университету, а налево. Трамвай при повороте с моста налево замедлял ход, и тут отчаянные головы, например, студенты которые торопись в университет на занятия, в последнюю минуту спрыгивали на ходу, чтобы не ехать лишний кусок налево. Я это иногда проделывала.

Обратно я ходила пешком, не всегда правда, но часто ходила пешком. Прогулка. Да и воздух был почище, не было таких ужасных загрязнений. Так что представление о том, кто из студентов живёт близко, а кто далеко, было совсем не то, что сегодня.

Готовиться к семинарским занятиям и особенно к экзаменам мы ходили в Публичную библиотеку, в просторечии — в Публичку. Теперь её именуют Российская национальная библиотека. В Публичку тогда студентов пускали в общий читальный зал, теперь это зал медицины и техники, у него был свой вход, а те залы, которые сейчас залы исторических и филологических наук²⁰, это были научные читальные залы, туда студентов не пускали, пускали только окончивших ВУЗ, доцентов, преподавателей, профессоров и так далее. И вот мы ходили в этот общий читальный зал.

Во времена сессии нужно было прийти в Публичку пораньше, чтобы занять место, потому что если приходили в часов 10–11, то все места были заняты. В гардеробе стояла очередь. Пускали только, если кто-то выходил, брал свою одежду, и тогда на это освободившееся место можно было претендовать; так что это была задача, которую нужно было решить. Но так как в Публичке было холодно, то в читальный зал пускали и в пальто. Однажды это меня выручило. Я прошла мимо контроля в читальный зал со своей книжкой, забыв сделать об этом пометку в контрольном листке, и обнаружила это только в тот момент, когда надо было уходить. К счастью, на мне было пальто и, набросив его на плечи, я под мышкой пронесла свою книжку.

²⁰ После реконструкции главного здания РНБ в 2010-х годах зал медицины и техники стал называться универсальным читальным залом, а в зале филологии расположилось отделение эстампов.

Теперь — как поесть. В Публичке буфета и столовой тогда не было. Но поесть всё-таки надо было что-то, выпить хотя бы чаю по карточкам, хотя что-то можно было и без карточек. Это было уже не во время войны, а после войны. Во время сессии, конечно, в Публичке оказывались студенты одного и того же отделения, одной и той же группы. И тогда они просили: «Запиши на свой контрольный листок мои книги». Контрольный листок гасился. И тогда можно было по этому погашенному контрольному листочку выйти на улицу и там либо что-нибудь купить, какой-нибудь пирожок, либо что-нибудь выпить, либо просто подышать воздухом, а потом возвращался человек, на новый контрольный листок опять брал свои книжки и мог продолжать занятия. Вот так устраивались студенты.

А Публичка работала тогда до 12 часов. Во время войны она тоже работала, но это уже было, по-моему, после войны, когда мы вернулись, наверное, уже в 45-м году. В 47-м она точно работала до 12, поэтому можно было после каких-нибудь дел в городе, после занятий в университете, даже после концерта в Филармонии и каких-нибудь встреч, часов в 10 пойти в Публичку, когда народу было уже мало. И до половины 12-го, часа полтора-два спокойно поработать. Потом в половине 12-го раздавался звонок. Ещё можно было поработать несколько минут. Без четверти 12 раздавался ещё один звонок. Тут уж все сдавали книжки и уходили. Это было очень удобно. Сейчас она до 10-ти или даже до девяти работает. А я тогда бывало только в 10 часов отправлялась в Публичку, потому что по Садовой от Никольского до библиотеки очень небольшое расстояние, несколько остановок, сколько, даже могу посчитать: проспект Майорова, Сенная, Гороховая, Апраксин двор, Невский — 4 остановки. Трамваев было много, проехать было нетрудно, ждать почти не приходилось, особенно вечером. Значит, вот, минут 15 на дорогу. Минут 5–10, пока дойдёшь до Публички, разденешься и поднимешься в зал, и остаётся полтора-два часа на работу с книжкой, не так уж мало, можно было довольно много прочитать. Так что вот жизнь была полная и интенсивная.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
Мирра Вениаминовна Гордина (Краткая научная биография)	4
Мирра Вениаминовна Гордина. Воспоминания студентки Ленинградского университета	9
1. Предисловие	9
2. В Саратове.....	11
2.1. Ученье	12
2.2. Быт	16
2.3. Питание	19
2.4. Работа	22
2.5. Семья	24
3. Возвращение в Ленинград.....	26
4. В Ленинграде	30
4.1. Общежитие	30
4.2. Столовая	31
4.3. Университет. Занятия	33
4.4. День победы.....	36
4.5. В послевоенном Ленинграде.....	36
4.6. На сельхозработах.....	39
4.7. Культурная жизнь	40

Мирра Вениаминовна Гордина
Воспоминания о Ленинградском университете

Оригинал-макет выполнен *А. В. Андроновым*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 11.01.2016
Формат 60 × 90 1/16. Авт. л. 2,05. Усл. печ. л. 3,25. Тираж 80 экз.

Филологический факультет СПбГУ.
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 11.

